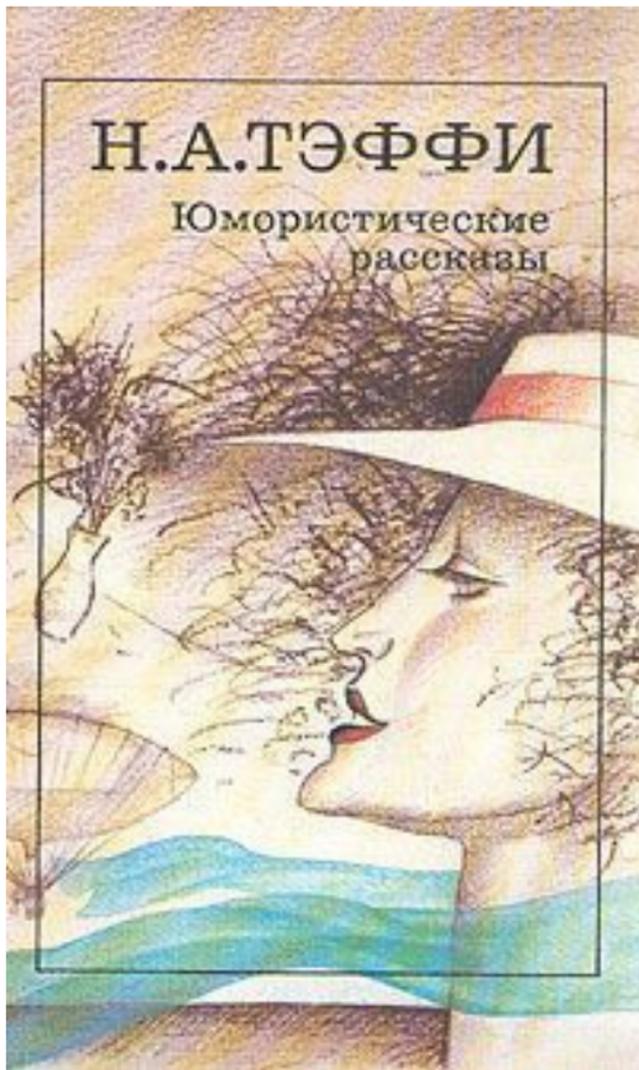


Н.А.ТЭФФИ

Юмористические  
рассказы



# Надежда Тэффи

## Разговоры

*OCR Busya*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=157460](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157460)*

*Н.А. Тэффи «Юмористические рассказы»: Художественная литература; Москва; 1990*

### **Аннотация**

Книга Надежды Александровны Тэффи (1872-1952) дает читателю возможность более полно познакомиться с ранним творчеством писательницы, которую по праву называли «изящнейшей жемчужиной русского культурного юмора».

# Надежда Тэффи

## Разговоры

Кто не видел Айседоры Дункан, Мод Аллан, Стефании Домбровской и прочих босоножек, разговаривающих ногами.

Многие русские артистки уже изучают это искусство.

И хорошо делают.

У нас, в России, это большое подспорье. Уж слишком плохо мы говорим языком. Не многие из нас могут быть уверенны, что скажут именно то, что хотят. Рады, если дадут себя понять хоть приблизительно.

Ни на одном языке в мире нет такого удивительного оборота фразы, как например, в следующем диалоге:

– Уж и поговорить нельзя?

– Я тебе поговорю!

– Уж и погулять нельзя?

– Я тебе погуляю!

Весь смысл этих странных обещаний ясно заключается только в интонации, с которою произносится фраза. Вне интонации смысл утрачивается.

Переведите эту фразу французу. То-то удивится!

А я недавно слышала целый разговор, горячий и серди-

тый, когда ни один из собеседников ни разу не сказал того слова, которое хотел.

Понимали друг друга только по интонации, по выпученым глазам и размахивающим рукам.

Ах, как бы здесьгодились хорошо дрессированные ноги!

Дело происходило в центральной кассе театров. Было это накануне какой-то премьеры, так что народу в маленьком помещении кассы толпилось масса, давили друг друга, пролезали «в хвост».

Вдруг появляется какая-то личность в потертом пальто и быстрыми шагами направляется к кассе, не выжидая очереди.

Стоявший у двери швейцар остановил:

– Потрудитесь стать в очередь!

Личность огрызнулась:

– Оставьте меня в покое!

Тут и начался разговор. Оба говорили совсем не то, что хотели, с грехом пополам понимая друг друга по интонации.

– Тут не оставленье, а потрудитесь тоже порядочно знать! – сказал швейцар с достоинством.

Фраза эта значила, что личность должна вести себя прилично.

Личность поняла и ответила:

– Вы не имеете права через предназначенье, как стоять у дверей. И так и знайте!

Это значило: ты – швейцар и не суйся не в свое дело.

Но швейцар не сдавался.

– Должен вам сказать, что вы напрасно относитесь. Не такое здесь место, чтобы относиться! (Не затевай скандала!)

– Кто кому и куда – это уж позвольте, пожалуйста, другим знать! – взбесилась личность.

Что значила эта фраза, я не понимаю, но швейцар понял и отпарировал удар, сказав язвительно:

– Вы опять относитесь! Если я теперь тут стою, то, значит, совершенно напрасно каждый себя может понимать, и довольно совестно при покупающей публике, и надо совесть понимать. А вы совести не понимаете.

Швейцар повернулся к личности спиной и отошел к двери, показывая равнодушным выражением лица, что разговор окончен.

Личность сердито фыркнула и сказала последние уничтожающие слова:

– Это еще очень даже неизвестно, кто относится. А другой по нахальству может чести приписать на необразованность.

После чего смолкла и покорно стала в «хвост».

И мне представлялось, что оба они, вернувшись домой, должны же будут проболтаться кому-нибудь об этой истории. Но что они расскажут? И понимают ли сами, что с ними случилось?

Летом мне пришлось слышать еще более трагическую беседу.

Оба собеседника говорили одно и то же, говорили томи-тельно долго и не могли договориться и понять Друг друга.

Они ехали в вагоне со мною, сидели напротив меня. Он – офицер, пожилой, озабоченный. Она – барышня.

Он занимал ее разговором о даче и деревне.

Собственно говоря, оба они внутренне говорили следующую фразу:

«Кто хочет летом отдохнуть, тот должен ехать в деревню, а кто хочет повеселиться, пусть живет на даче».

Но высказывали они эту простую мысль следующим при-емом.

Офицер говорил:

– Ну, конечно, вы скажете, что природа и там вообще...

А дачная жизнь – это все-таки... Разумеется...

– Многие любят ездить верхом, – отвечала барышня, сме-ло смотря ему в глаза.

– А соседей, по большей части, мало. На даче сосед – пять минут ходьбы, а в де...

– Ловить рыбу очень занимательно, только не...

– ...деревне пять верст езды!

– ...неприятно снимать с крючка. Она мучится...

– Ну и, конечно, разные спектакли, туалеты...

– В деревне трудно достать режиссера.

– Ну, что там! Из Парижа специальные туалеты выписы-вают. Разве можно при таких условиях поправиться?

– Нужно пить молоко.

Офицер посмотрел на барышню подозрительно:

– Уж какое там молоко! Просто какая-то окись!

– Ах нет, у нас всегда чудесное молоко!

– Это из Петербурга-то в вагонах привозят чудесное?

Признаюсь, вы меня удивляете.

Барышня обиделась.

– У нас имение в Смоленской губернии. При чем же тут Петербург?

– Тем стыднее! – отрезал офицер и развернул газету.

Барышня побледнела и долго смотрела на него страдающим взором.

Но все было кончено.

Вечером, когда он, сухо попрощавшись, вылез на станции, она что-то царапала в маленькой записной книжке.

Мне кажется, она писала:

«Мужчины – странные и прихотливые создания! Они любят молоко и рады возить его с собой всюду из Петербурга»...

А он, должно быть, рассказывал в это время товарищу:

– Ехала со мной славенькая барышня. Но около Тулы оказалась испорченной до мозга костей, как и все современные девицы. Все бы им только наряжаться да веселиться. Пустые души!...

\*\*\*

Если бы этот офицер и эта барышня не игнорировали школу великой Айседоры, может быть, их знакомство и не кончилось бы так пустоцветно.

Уж ноги, наверное, в конце-концов заставили бы их сговориться!